

М. Г. МАТЛИН
(Ульяновск)

В. П. ЮРЛОВ — СИМБИРСКИЙ СОБИРАТЕЛЬ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Аннотация. Статья рассказывает о симбирском краеведе-любителе В. П. Юрлове. На основе архивных документов, воспоминаний воссоздается его биография. Анализируется собирательская деятельность В. П. Юрлова, описываются его печатные работы и материалы, оставшиеся в рукописях, которые хранятся в местном и центральных архивах. Показывается общность деятельности В. П. Юрлова и других симбирских краеведов-любителей второй половины XIX в.

Ключевые слова: фольклор, собиратель, Юрлов В. П.

В изучении истории русской фольклористики XIX в., как это сформулировал в Проекте биобиблиографического словаря «Русские фольклористы» А. Л. Топорков, есть «настоятельная задача — воздать должное собирателям-краеведам, корреспондентам различных научных обществ, представителям сельской интеллигенции, которые щедро делились своими материалами, но при этом оставались практически неизвестными» [Топорков 2010, 8–9]. Одним из таких в Симбирской губернии в середине XIX в. был Владимир Петрович Юрлов — краевед, журналист, собиратель фольклорно-этнографических материалов.

Он родился 19 января (31 января по новому стилю) 1830 г. в родовитой дворянской семье. Как отмечал сам В. П. Юрлов в воспоминаниях, его прапрадед Семен Акимович Юрлов был

при Петре Великом полковником Азовского пехотного полка, а при Екатерине I бригадиром и вице-президентом Московского надворного суда»; прадед Петр Семенович Юрлов служил в лейб-гвардии Семеновском полку»; «дед Иван Петрович Юрлов служил при Екатерине II в лейб-гвардии Преображенском полку» [Юрлов 1909, 5]. Другой его прапрадед Юрлов Лаврентий Михайлович был с 1727 по 1730 гг. епископом Воронежским и Елецким <Комолов>. У В. П. Юрлова сохранилось письмо Льва Юрлова, которое он передал в ИРГО для публикации. Секретарь отделения этнографии Л. Майков в ответе от 5 ноября 1867 г. благодарит Юрлова за «любопытное письмо предка Вашего преосв. Льва Юрлова» и сообщает: «думал бы, согласно Вашему желанию, передать в “Русский архив”, прекрасно, конечно, известное Вам собрание исторических документов, издаваемое в Москве П. И. Баргеньевым» [РО ИРЛИ. Ф 438. № 7. Л. 2].

Отец Владимира Петровича Юрлова — штабс-капитан Петр Иванович Юрлов, мать — Елизавета Егоровна Юрлова. П. И. Юрлов участвовал в Отечественной войне 1812–1814 гг., был награжден золотой шпагой за Бородино и Владимиром с бантом за отличие во время штурма Монмартра при взятии Парижа [Юрлов 1909, 5].

В 1837 г. В. П. Юрлова отдали в Санкт-Петербургский пансион А. Я. Филиппова, в котором он пробыл до 1842 г., когда поступил в пригготовительный пансион школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Там, по воспоминаниям В. П. Юрлова, он видел Н. В. Гоголя и В. Г. Белинского, бывших в близких отношениях с наставником-наблюдателем военно-учебных заведений А. А. Комаровым, и «даже поднес Белинскому во время обе-

да свои стишки, которые стал писать с двенадцатилетнего возраста» [Юрлов 1909, 6].

Действительно, в воспоминаниях П. В. Анненкова и И. И. Панаева мы узнаем о «кружке Комарова» и литературных вечерах на его квартире, получивших название «суббот». «Я сошелся с Белинским в первый раз у А. А. Комарова, преподавателя русской словесности во 2-м кадетском корпусе. Комаров занимал и квартиру в здании корпуса», — пишет П. В. Анненков [Анненков 1989, 117]. И. И. Панаев отмечает: «Кроме литературных собраний <...> были еще известные немногим литературные небольшие сходки любителей, еще, так сказать, домашним образом занимавшихся литературой. К таким собраниям принадлежали вечера в квартирах у А. А. Комарова и кадетского капитана Клюге фон Клугенау. Они назывались *серационовскими вечерами* (Гофман у нас был тогда в большом ходу). На этих вечерах *наши серационы* читали по очереди свои сочинения» [Панаев 1988, 134—135].

О знакомстве с Комаровым и его кружком писал и сам В. Г. Белинский В. П. Боткину 13 июня 1840 г.: «Доставитель этого письма, г. Анненков, мой добрый приятель, хоть я виделся с ним счетом не больше десяти раз, <...> ты увидишь, что это бесценный человек, и полюбишь его искренно. От него ты услышишь многое обо мне интересное, о чем не хочу писать. <...> Анненков тебе сообщит и о моих новых знакомствах, особенно о Комарове. Я вошел в их кружок и каждую субботу бываю на их сходках» [Белинский 1982, 384]. «Субботы» А. А. Комарова посещали И. И. Панаев, П. В. Анненков, И. И. Маслов, М. А. Языков, Н. Я. Прокорович, художник К. А. Горбунов, в дальнейшем — Н. П. Тютчев, А. Я. Кульчицкий и др.

В личном фонде В. П. Юрлова, хранящемся в Государственном архиве Ульяновской области, есть черновик письма, которое предположительно могло быть обращено к А. А. Комарову. В нем Юрлов пишет, что «с удовольствием прочел воспоминания Панаева <о Виссарионе Григорьевиче> в “Современнике”», и особо отмечает, что в них «говорится о ваших вечерах», когда

он (Белинский) «посещал вас в вашей бывшей квартире в Измайловском полку» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Е.х. 41].

В 1844 г. В. П. Юрлов поступает в школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Об этом периоде жизни В. П. Юрлов оставил краткие, но предельно правдивые воспоминания [Юрлов 1909, 6] (см. также [Назарова; Вадимов 1954]).

Вероятно, уже в это время В. П. Юрлов, как и другие учащиеся, например, М. П. Мусоргский, который позднее также учился здесь, берет уроки игры на фортепьяно у известных петербургских музыкантов-педагогов А. А. Герке (среди его учеников — М. П. Мусоргский, П. И. Чайковский) [Порохина 2007, 5] и А. Л. Гензельта (среди его учеников — В. В. Стасов) [Мильтштейн], ставших впоследствии профессорами Петербургской консерватории. Выступал он также с игрой на рояле на концертах [Юрлов 1909, 16].

В 1848 г., окончив школу, В. П. Юрлов был произведен в прапорщики лейб-гвардии Волынского полка. В своих воспоминаниях он дает очень яркую характеристику жестоких нравов, царивших в этом весьма привилегированном полку. Так, характеризуя своего ротного командира капитана К., Юрлов писал: «Этот последний оказался не только жестоким человеком по отношению к солдатам, но самым хладнокровным палачом: палки и розги в ужасающем количестве были у него в полном ходу за всякую безделицу» [Юрлов 1909, 9]. Таковыми же, как отмечает мемуарист, были и полковой командир, и другие ротные командиры, «которые давали солдатам по 700 розог и 300 палок» [Юрлов 1909, 10].

В 1849 г. полк, в котором служил В. П. Юрлов, был отправлен на подавление восстания в Венгрии и Трансильвании. Однако в Брест-Литовске было получено известие, что восстание разгромлено, и полку было велено вернуться назад к постоянному месту службы в Ораниенбаум [Луганин 1884, 304—315].

В декабре 1849 г. он уволен в чине подпоручика от службы «за болезнь» [ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Ед. хр. 463. Л. 10]. В том же 1850 г. был выбран дворянством Симбирской губ. депутатом дво-

рянского собрания. В Свидетельстве, выданном в 1874 г. Симбирским губернским предводителем дворянства М. Н. Терениным, сказано, что «кандидат Сенгилеевского уездного предводителя дворянства титулярный советник и кавалер Владимир Петрович Юрлов» служил «депутатом дворянства Сенгилеевского уезда в течение двух трёхлетий (1850, 1851, 1852 годов) и с 18 декабря 1870 по 18 декабря 1873 года» и «неоднократно исправлял должность уездного предводителя» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1].

Это пора, как вспоминал позднее Юрлов, была временем «хорошего и привольного житья тогда еще не разорившихся дворян. Губернатором был тогда князь Черкасский, настоящий аристократ, имел дочь невесту и давал также балы и обеды» [Юрлов 1909, 15]. Молодой, богатый дворянин был окружен такими же знатными и блестящими представителями симбирских дворянских родов, среди которых губернский предводитель симбирского дворянства, брат русского писателя С. Т. Аксакова, Н. Т. Аксаков, племянники Н. М. Языкова — А. П. Языков и В. П. Языков, бывшие к тому же его товарищами по пансиону Филиппова. Встречался Юрлов и с поэтом Д. П. Ознобишиным, и с другом отца симбирским архиереем, впоследствии архиепископом и членом святейшего синода Феодотием (в миру Федор Озеров), а также его племянником — Н. В. Охотиным (ректор Симбирской семинарии, позднее епископ Смоленский, в монашестве Гурий) [Юрлов 1909, 15—16].

В Симбирске В. П. Юрлов продолжал занятия музыкой и даже «собрал вокруг себя кружок любителей музыки» [Юрлов 1909, 16]. Но всё же именно светская жизнь была главной для него в это время. Поэтому, несмотря на поддержку отца, В. П. Юрлов, постоянно нуждаясь в деньгах, стал брать в долг у разных кредиторов. За один только 1851 г., как установил суд в 1863 г., куда, в конце концов, обратились кредиторы, он дал долговых расписок на сумму 11187 руб. [ГАУО. Ф. 116. Оп. 13. Е.х. 85. Л. 1—2]. А всего, как было установлено в судебном заседании симбирского уездного суда в 1863 г., с него должны быть взыска-

каны «на удовлетворение кредиторов и казны» 14375 руб. 71 коп. [ГАУО. Ф. 116. Оп. 13. Ед. хр. 85. Л. 16]. В показаниях, данных суду, В. П. Юрлов «объяснил свою несостоятельность заблуждением молодости, вследствие которого лишился он материальной поддержки со стороны родителя» [ГАУО. Ф. 116. Оп. 13. Ед. хр. 85. Л. 14].

В итоге в 1862 г. полиция по требованию кредиторов, заплативших кормовые деньги, поместила В. П. Юрлова под стражу в тюремный замок. Некоторые кредиторы после этого заключили с ним соглашение о возврате части долга, но другие обратились в Сенат с просьбой пересмотреть дело и признать В. П. Юрлова несостоятельным злостным, что должно было привести к уголовному наказанию [ГАУО. Ф. 1. Оп. 14. Ед. хр. 85. Л. 12—12об.]. Однако Сенат распорядился иначе: в связи с тем, что прокурор нашел заключение Юрлова под стражу преждевременным и произведенным с нарушением закона (без судебного постановления), он должен быть из-под стражи освобожден, а вопрос о свойствах несостоятельности Юрлова необходимо рассмотреть в суде [ГАУО. Ф. 317. Оп. 4. Ед. хр. 94. Л. 15об.—16, 17]. И хотя на сей раз всё закончилось для В. П. Юрлова относительно благополучно, долги и судебные разбирательства преследовали его почти до конца жизни: последнее взыскание с него денег датировано 1893 г. [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 8—8об.].

Самым же большим наказанием для него стало практически полное лишение наследства. По духовному завещанию отца, которое было утверждено в августе 1869 г., вся «движимая собственность, в чем бы она ни заключалась», была отписана дочери Е. П. Мещериновой [ГАУО. Ф. 117. Оп. 15. Ед. хр. 15. Л. 4—4об.]. Однако после смерти отца В. П. Юрлов в результате семейного соглашения со своей сестрой получил все-таки в собственность землю в родовом поместье, которую продал ей же с условием, что она уплатит долги отца (до 9000 руб.) [ГАУО. Ф. 1. Оп. 7. Ед. хр. 14. Л. 36об.].

Постоянное отсутствие денег, долги, судебные тяжбы, смерть отца, полный разрыв отношений с сестрой и ее

семьей, что было усугублено судебным процессом, развязанным самим В. П. Юрловым против мужа сестры после ее смерти, — всё это в конечном итоге привело к утрате источников существования и нищете. Поэтому когда симбирский мещанин И. Я. Ягодкин в 1893 г. предъявил к взысканию за долги исполнительный лист, то выяснилось, что у должника «никакого имущества кроме ветхой мебели <...> не оказалось» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 9об.].

Серьезно меняется жизнь В. П. Юрлова только во второй половине 1860-х гг., когда он довольно активно включается в культурную и общественную жизнь Симбирска и России. В 1865 г. Общество любителей Российской словесности при Московском университете избрало его своим корреспондентом [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 1об.]. В 1867 г. он становится членом Общества покровительства животным (первым и единственным в Симбирске) [РО ИРЛИ. Ф 438. № 1. Л. 7; Бородин 1997]. В 1868 г. его избирают в действительные члены Симбирского губернского статистического комитета [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 1]. С 15 октября 1868 г. по 22 ноября 1869 г. он был редактором неофициальной части «Симбирских губернских ведомостей», состоя одновременно в штате Губернского правления [ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Ед. хр. 463. Л. 11]. В этом же году он стал членом-сотрудником Русского географического общества [РО ИРЛИ. Ф 438. № 15]. В 1869 г. Общество восстановления православного христианства на Кавказе избрало его в члены [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 4об.]. В 1871 г. был избран действительным членом Общества естествоиспытателей при Казанском университете [Обзор 1894, 69], в 1895 г. — действительным членом Симбирской губернской ученой архивной комиссии [Отчет 1896, 10]. Помимо этого в разные годы он был почетным смотрителем Карсунского и Симбирского уездных училищ [ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Ед. хр. 463, 663], почетным попечителем Симбирской женской гимназии [ГАУО. Ф. 932. Оп. 1. Ед. хр. 664], членом Общества покаяния помощи при кораблекрушениях [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 1], членом

парижской академии изобретателей [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 1об.] и др. [Юрлов 1909, 15—16].

Собирание фольклорно-этнографических материалов, наряду с литературным творчеством и журналистикой, было дополнением и продолжением его общественной деятельности. Однако осуществлялось оно эпизодически, носило во многом случайный и любительский характер. Наиболее крупные публикации, сделанные им, приходятся исключительно на 1867 год¹. В этом же году они были перепечатаны в «Материалах для истории и статистики Симбирской губернии»². Большая подборка его записей заговоров была использована Л. Н. Майковым в сборнике «Великорусские заклинания» [Майков 1869, №№ 15, 32, 152, 179, 220, 245, 252, 256—260, 262—268, 360, 370]. Других фольклорно-этнографических публикаций не обнаружено, но в Государственном архиве Ульяновской области в фонде В. П. Юрлова хранятся рукописные материалы, дополняющие наши представления о его собирательской деятельности. Это небольшой набросок очерка «Юродивые в Симбирской губернии» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 31], который он рассматривал как продолжение этнографических заметок, опубликованных в 1867 г. Там же находится следующее: фрагмент рукописи, который Юрлов озаглавил «Статья 5ая. Домовой, леший, русалка и другие мифы (это название зачеркнуто. — М. М.)» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 32], рукопись «Прибавление к описанию суеверий. Животно-магнитные сеансы, произведенные мною над беснующейся Симбирской губернии Симбирского уезда в селе Грязнухе (имение г. Анненкова) в 1853 году июля 24-го дня» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 42], «Отрывок из раскольничьей рукописи, приобретенный мною случайно в дер. Кадыковке С<имбирской> г<убернии> Симб<ирского> уез<да>» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 34], «Продолжение мое к взгляду на чернокнижие и колдовство

¹ Симбирские губернские ведомости. 1867. № 14. 4 марта; № 27. 11 марта; № 29. 16 марта; № 30. 18 марта; № 37. 6 апреля; № 52. 23 мая; № 71. 3 июля.

² Вып. 4. Симбирск, 1867. С. 57—94, 98—102.

и вообще на удивительные явления природы (20 сентября 1854 г., Симб.)» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 1] и «Этнографические очерки Симбирского Поволжья» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 35].

В указанном сборнике заговоров Л. Н. Майкова 21 текст принадлежит Юрлову. Это заговоры лечебные, наводящие порчу, помогающие достать клад или, наоборот, сделать его недоступным другим, дающие защиту в пути (от «лихого» человека) или удачу в суде. Достаточно широко представлена география заговоров: г. Симбирск, с. Канава, Ляховка, Ключинцы³, Буинский у., Сенгилеевский у., Симбирский у., Симбирская губ. Все тексты, кроме одного, имеют пометку «зап. В. П. Юрлов», что, вероятно, свидетельствует о записи, сделанной им, один — «сообщ. В. Юрлов», так как в примечании к нему Юрлов пишет, что «известный в Симбирской губ. кладоискатель, мещанин Андрей Михайлов, умерший в 1854 г., оставил записку», в которой был приведен цитируемый дальше заговор [Майков 1869, 108—109].

Среди упомянутых выше публикаций самого Юрлова интерес представляет песня, записанная им в д. Поливне Симбирского уезда. И хотя в редакторской вступительной ремарке указывается, что «приведенная песня принадлежит к числу лучших произведений нашей народной поэзии», что «по глубокому чувству и высокой художественности она может занять одно из первых мест в ряду наших так называемых семейных песен» [Юрлов 1867, 102], на самом деле это, несомненно, литературный текст, близкий к жанру русской песни, весьма популярной в первой половине XIX в. (ср. [Песни 1988, 268—269, 350—52, 383, 387—88]). Об этом говорит ритмика и строфика стиха, лексика и система образов, а ритмические сбои, постоянно встречающиеся в нем, свидетельствуют о невысоком художественном уровне стихотворения:

Подбодрился мой хороший дорогой,
Словно гоголь над кормой. <...>
Друга милого путина далека,
Разделила нас широкая река.

Друга милого путина далека,
Не оставила следа широкая река. <...>
Только струйка малая ко бережку
бежит,
Как слеза моя, колышется, дрожит⁴
[Юрлов 1867, 102].

По-видимому, образ Волги в этом тексте привлек внимание Юрлова и обусловил запись и публикацию данного произведения, хотя в целом лирика мало интересовала его, как, впрочем, и обряды. До нас дошла только одна публикация свадебного обряда, сделанная им. Она представляет собой довольно типичное для середины XIX в. описание свадьбы, которое создано на основе соединения записей отдельных обрядов разных сёл. В итоге возникал обобщенный региональный вариант свадебного обряда без указания на локальные его особенности. Особое внимание Юрлов уделяет причитаниям невесты — в тексте приведены 8 записей. Заканчивается публикация очень характерным пассажем, осмысливающим сущность свадьбы через такие строчки причета невесты:

Мужем битой быть,
Во чужом дому жить
[Юрлов 1867а, 71].

Включает он в данную публикацию и песни из старинного рукописного сборника 1795 г., который был найден им у одного симбирского мещанина. В этом сборнике 5 свадебных лирических песен, представляющих хороший образец классической свадебной лирики.

В обрядовых же действиях его внимание привлекли два момента: «вскрытие» невесты свахой при помощи ухвата и действия со свиной головой во время горного пира. Они описаны наиболее подробно, детализировано, что, несомненно, весьма повышает ценность этой публикации.

Значимо в записи Юрлова и его внимание к приговорам дружки, что показывает интерес собирателя к народному красноречию. Подтверждением этого интереса является публикация текста, который Юрлов озаглавил «Этнографические материалы: Заученный разговор крестьянских балагуров на свадьбе и

⁴ Здесь и далее везде орфография и пунктуация оригиналов сохранены почти полностью.

рацея дружки» с пометкой о месте записи: «Списано Симбирской губернии Симбирского уезда в селе Подлесном, близ Тагая» [Юрлов 1867б, 98]. Первая «рацея» — сценка фольклорного театра (Ср. [Барин бравый 1988, 58—59]), вторая — соединенные в один текст два приговора дружки: описание невесты и обращение к стряпухе с просьбой об угощении:

Является на сцену дружка, записной мастер говорить красно.

Дружка.

Спасибо вам, на словце, господа,

С самого испода,

Где вам через забор брагу пить,

Да красно говорить!

А ты, дядюшка Тарас,

Послушай-ка лучше нас,

А то, что за балагур,

Нечего сказать,— хорош:

Давал чорт грош,

Да и тот спятился.

А мы не чета ему,

Расскажем, как в высоком терему

Сидит красная девица,

Собой белолица,

Полна, румяна,

Без всякого изъяна,

Очи орлиные,

Брови соболиные,

Руки белые,

Речи смелые.

Ай ребята!

Кому-то девицу,

Лицом белолицу,

Полну да румяну,

Без всякого изъяну.

Взять да отведать,

Да век бы не ужинать и не обедать.

Ну-ка, кому?

Видно, мне одному. (Обращается к стряпке-старухе).

Ну-ка стряпынька, лапынька,

Для добрых гостей

Выпьем по всей.

Али у хозяина вина не стало,

Припасу не достало?

Ну не гляди совой,

Не мотай головой,

Али на тебе леший езжал,

В лесу родилась,

Пенькам Богу молилась?

(Стряпка конфузится и уходит за вином и пивом)

[Юрлов 1867б, 100—101].

Значим этот текст не только тем, что в нем представлен интересный образец народного красноречия, но и ценными

указаниями на некоторые особенности его бытования, которые Юрлов приводит в комментариях, предваряющих текст. Так, в частности, он указывает, что подобные тексты неоднократно слышал на свадьбах. Исполнителями их были, во-первых, дружки, а во-вторых, люди, обладавшие «способностью красно говорить». Их он называет «домашние балагуры» и утверждает, что они отнюдь не просто одни из гостей, могущие вставить меткое и острое слово, а «являются необходимым гостями на крестьянских свадьбах» [Там же, 98]. Очень интересна «привязка» первого текста к свадьбе:

А что же?

Да вот тоже:

Я взял, да и у соседа дочку украл,

А поп-то нас обвенчал.

Что ты! Неужто соседу дочь?

(Первый балагур указывает на невесту).

Глянька, словно эвту, точь в точь.

(Пирующие смеются)

[Там же, 100].

Внимание к народному «балагурству», вероятно, обусловлено еще и тем, что Юрлов пробовал себя в литературе [Бейсов 1947, 314—322]. Он писал стихи и даже издал в 1861 г. небольшой сборник [РО ИРЛИ. Ф 438. № 1. Л. 6]. В «Перечне статей, оставшихся в рукописях», который он составил, есть указание на его пробы в самых разных жанрах: очерк («Поездка туриста в степи Самарской и Оренбургской губерний»), сцены («Названный брат. Сцены из народного быта»), роман («Горькая доля. Канва для романа»), рассказ («Рождественские вечера») [РО ИРЛИ. Ф 438. № 1. Л. 10об.—11]. В Государственном архиве Ульяновской области в фонде Юрлова также находится большая подборка его черновых набросков, один из которых подписан псевдонимом Горюн и датирован 1862 г. Завершая этот набросок, он пишет: «Я в первый раз являюсь перед вами под незавидным прозвищем горюна, я в первый раз сказал вам, выйдя с робостью сквозь маленькую дверь литературной кулисы, несколько слов; поймите мою робость, первый дебют <...> редко бывает удачным — прошу позволения сказать вам до свидания. В. Горюн. Симбирск. 28. 1. 1862» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 56об.]. Там же нами обнаружена 175

очень интересная запись разговора В. Юрлова с «бесноватой» в с. Грязнуха. Юрлов, по-видимому, не предназначал ее к печати, снабдив рукопись пометкой: «Секретно». Данный текст — одна из редких записей того вида народной смеховой культуры, в котором в реальном диалоге создается стихотворная речь (раешный стих) на основе обсценной лексики.

«В 1853 году июля 24^о дня поехал я с Симбирским колбасником Андреем Михайловым, славившимся искусством отчитывать беснующихся, в село Грязнуху.

В этом селе жила женщина, одержимая вышеуказанной болезнью уже около 8 лет. Вот мои наблюдения и описания особенно замечательного разговора моего с нею во время произведенного мною над этим замечательным субъектом магнетизирования. Больная сложения худощавого, крайне нервного, страдала, как я полагаю, в особенности от раздражения солнечного сплетения нерв, сангвической (так!) системы.

Народ вполне верил, что она была испорчена.

Вот мой разговор с нею.

Беснующаяся

Ты чей?

Я

Я лекарь, приехал тебя лечить.

Она

Я спрашиваю: ты чей?

Я

Как чей?

Она

Из пизды казначей

(народ смеется)

Бабы говорят: с нами крестная сила

Я

Где ты научилась этим мерзостям?

Она

Это не она говорит, не раба, а я.

Я

Кто же ты?

Она

Княжеский сын

Я

Вот как

Она

Ваша жопа наш кутак

(народ и старые (?) бабы идут вон из избы)

Я

Какого же ты князя сын?

Она

Дразнит меня: тпудиёшь муйдёшь, ни

Я

Почему же не пойму?

Она

Азов не знаешь

Я

Каких азов?

Она

Поучить тебя?

Я

Поучи, поучи.

Она

Матери твоей аз

Выткнуть тебе хуем глаз

Возьми хуй в руки

Вот тебе и буки

Пизда да жопа соседи

Вот тебе и Веди

Хуем пизду намусоль

Вот тебе и глаголь.

Я

Я пакостей слушать не желаю

Она

Как хошь,

А за свой грош везде будешь хорош;

я ведь на медные деньги обучалась

Я

А какой науке?

Она

Возьми хуй в руки

Скоро будешь всё знать, скоро составишься

Потолкуй со мной поневоле упаришься.

(Старуха, мать беснующейся, обращаясь к ней, говорит: Матушка, Арина Ивановна, боишься ли ты Бога, а ты поговори толком-то с барином-то, ведь родимый исповедовать тебя хочет.)

Она

Молчи чертова перешиница

Кабы <у>ети тебя жеголом (?), да залива<ет> горячим солом (?), не то бы сказала.

Старуха творит молитву: Да воскреснет Бог

Беснующаяся передразнивает старуху и говорит: Бог, бог, даст тебе бог осми-ну блох, а в <нрзб.> <нрзб.> в голову да в хвост, в зоб да в мезево (?), в пизду да в черево. Обращается ко мне: Ей ты, хуй с ноготками, сядем-ка рядком, потолкуем-ка ладком.

Я

Что с тобой говорить?

Она

Да ты говорит не разумедеешь (так!)

Я

(смеясь)

Как так?

Она

Так не разумедеешь (так!)

Я
Что это значит?
Она
Ни хуя не умеешь, а еще лекарь.
Старик колбасник, со мной приехавший,
начинает читать заклинательную молитву
из тревника Петра Могилы.

Она
Молчи, старый пизды расстрига.
Я начинаю магнитный сеанс, больная
успокаивается и понемногу засыпает»
[ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 42.
Л. 1—2].

Самой крупной публикацией и, пожалуй, самым значительным открытием В. П. Юрлова стала рукопись, приобретенная им, как он пишет, «от одного знакомого мне, известного в простом народе за кладоискателя, старика Симбирского уроженца» [Юрлов 1867в, 57]. О понимании Юрловым значимости документов такого рода свидетельствует авторское пояснение, которым он предваряет текст: «Означенная полуграмотная записка суеверного кладоискателя приводится мною здесь без всякого изменения, а только с теми собственными примечаниями, которые, по моему мнению, могут хотя несколько указать на общий характер распространенного по всему Поволжью в низовых губерниях суеверия о кладах» [Юрлов 1867в, 57].

К кладам и кладоискателям Юрлов будет обращаться и дальше. Среди его черновых набросков есть рукопись, озаглавленная «Этнографические очерки», в которой помещен беллетризованный рассказ о встрече с кладоискателем. «Бросив беглый взгляд на весьма неприглядную, впрочем, картину нашего Поволжья, мы перейдем к чисто этнографическим замечкам нашим. Не далеко от г. Симбирска, всего в семи верстах, стоит небольшая, состоящая всего из 30 дворов деревушка Поливна, она же Фарафоньгиха. Деревушка эта, кроме своей пристани на Волге и лесной торговли, ничем не была бы замечательна, если бы не служила жилищем многим из наших кладоискателей и если бы в лице этих кладоискателей не заключала в себе множества интересных преданий о кладах, зарытых будто бы в горах на Волге» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 2об.]. В этом очерке Юрлов, создавая стилизацию под народную речь, приводит ряд очень интересных

поверий и представлений, связанных с кладами и кладоискателями. Основой очерка является рассказ об одном из самых «сильных» из них — черемисине К. Г. Кра<...>орову, живущем в деревне Иванова-Паракина Яранского уезда Вятской губ.

«И диковинное, братец ты мой, дело, живет тот Черемисин в большом доме в лесу, денег имеет пропасть, только никакой птицы не водит, нельзя — всех передушат бесы. Михайла на что у нас умный человек, да и тот не мог с ним сговорить. Живет, говорит, как какой-нибудь купец али помещик, я, говорит, не колдун, а мудрец, я, говорит, бесами владею не просто, а хрестной силой, я, говорит, их для Батюшки Царя и на войну отпускал, и турок они много побили. А насчет, говорит, Ваших Кладов мне заняться не время, отчитываю теперь Великий Пермский Клад. Приезжайте, говорит, после Воздвижения, тогда, говорит, Земля мой завет примет, потому земля только 2 раза в год завет принимает, а для того завета нужен главный князь Еракта, а его я отпустил к Кайскому татарину, тамошнюю поклажу взять. Так и приехали обратно, поедем уж после Воздвижения.

— Ну, — сказали мы, — где же у Черемисина сидят бесы?

— А сделан у него под Домом большой подвал, обложен подвал этот весь диким камнем, в том-то подвале и сидят на цепях бесы.

— Значит, ходили туда Михайла с Анчуткиным? — спросили мы.

— В самый подвал не ходили, а смотрели в окошко... Страх, да и только, говорят. Словно, слышь, как слоны там топают, да ветер гудит, а водку, говорят, любят до страсти, по четыре ведра в день пьют, а едят одни яйца, потому яйцо съест, а скорлупу прячет, лишь загремит гром, а они, окаянные, в скорлупы-то и попрячутся; а колотит он их железным прутом, чтоб не озорничали, а свободы не дает ничего.

— Ну дока же Ваш Черемисин, — сказали мы.

— Да такой-то, судырь, дока, что на редкость поискать. Нас, говорит, во всей Расеи только трое: я, Кайский татарин да Пермяк Иван Гаврилыч, а летом, говорит, ко мне не ездите, а зимой; летом много грамам мешают, а

зимой какой хочешь клад я журавцом вытяну» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 2об.].

В примечании к этой рукописи Юрлов отметил, что она рассматривается им как продолжение предыдущей статьи о кладах, «помещ. в 1 том Записок по отделению Этнографии Императорского Русского Географического Общества (1867 г.), сведения, доставленные В.П. Юрловым стр. /714—716, 723, 725, 750/» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 2об.]. Эта часть очерка в переработанном виде была им опубликована в статье «Несколько слов о случаях проявления медиумических способностей среди простого народа» [Юрлов 1884, 174—175].

Внимание к колоритным народным типам, к людям, наделенным необыкновенными способностями, может быть, одна из характерных черт собирательской деятельности Юрлова. Его перу принадлежит очерк «Городские нищие» [Юрлов 1866], черновые варианты очерков — «Юродивые» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 1—1об.], «Колдуны, чернокнижники, гадатели и проч.» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5—6].

Черновики Юрлова также позволяют предположить, что он усиленно работал над книгой, в которую предполагал включить все собранные материалы по народным верованиям и представлениям, дополнив своими наблюдения над их бытованием и происхождением. Так, статья о чернокнижниках имеет предваряющую ее пометку «Продолжение книги О Чернокнижии» [ГАУО. Ф. 261. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 5]. В описании своего архива Юрлов указывает на наличие у него тома, «разрешенного отдельною цензурою в г. Казани (Взгляд на суеверия и предрассудки)», который он якобы отправил для печатания книгоиздателю Д. Е. Кожанчикову [РО ИРЛИ. Ф. 438. № 1. Л. 19об.].

Интересовался В. П. Юрлов бытом и традиционной культурой других народов, в частности чувашей. Его перу принадлежит «Краткий очерк о чувашах», который, по-видимому, мыслится им как часть более значительной работы под названием «Из записок об инородцах» (указание на нее см. [Известия ИРГО 1865, 139. № 44]).

Умер В.П. Юрлов в 1903 г. в Симбирске [Отчет 1903, 5]⁵.

Собирательская и публикаторская деятельность В. П. Юрлова во многом осуществлялась в одном русле с деятельностью других симбирских краеведов-любителей, его современников — М. И. Извощикова, М. В. Арнольдова и др. Их стараниями было осуществлено расширение сведений о традиционной культуре и фольклоре Симбирской губ., сделаны первые попытки ее осмысления в контексте общерусской традиции, была установлена тесная связь с такими крупнейшими научными центрами, как РГО, Общество любителей российской словесности, Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете и др. Все они приняли самое активное участие в работе таких провинциальных организаций и учреждений, как Губернский статистический комитет и Губернская ученая архивная комиссия, которые, как отмечает современный исследователь, «создали оригинальную научную гуманитарную инфраструктуру страны» [Берлинских 1994, 15].

Литература

Алфавит 1884 — Алфавит населенным местностям Симбирской губернии // Список населенных мест Симбирской губернии Симбирск, 1884. С. XIV.

Анненков 1989 — Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1989.

Барин бравый 1988 — Барин бравый // Фольклорный театр / сост., вступ. ст., предисл. к текстам и коммент. А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной. М., 1988. С. 58—59.

Бейсов 1947 — Бейсов П. С. Д. Д. Минаев и Симбирск // Минаев Д. Стихотворения. Куйбышев, 1947. С. 309—323.

Белинский 1982 — Белинский В. Г. Собрание соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1982.

Берлинских 1994 — Берлинских В. А. Историко-краеведческая деятельность губернских статистических комитетов России во второй четверти XIX — начале XX века. Дисс. ... докт. ист. наук. М., 1994.

Бородина 1997 — Бородина О. «Собаки, имеющие ошейники, отлову не подлежат...» // Мономах. 1997. С. 70—71.

⁵ См. о Юрлове также [Трофимов 2001; Еремина 1992; Еремина 1994; Верещагина 2004].

Вадимов 1954 — *Вадимов Е.* Корнеты и звери (Славная школа). Нью-Йорк, 1954 (1-е изд. — Белград, 1929).

Верещагина 2004 — *Верещагина Т.* Юрловы // Ульяновская-Симбирская энциклопедия. Т. 2 / ред. и сост. В. Н. Егоров. Ульяновск, 2004. С. 468.

Еремина 1992 — *Еремина И.* Родина Лены издревле славилась колдунами и оборотнями // Слово молодежи. 1992. 18 июля. С. 10.

Еремина 1994 — *Еремина И.* Симбирские чудеса // Симбирские губернские ведомости. 1994. 16 ноября. С. 3.

Известия 1865 — Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1865. Т. 1. № 1.

Комолов — *Комолов Н. А.* Епископ Воронежский и Елецкий Лев (ЮРЛОВ) (1727—1730) // Воронежские архипастыри: Вехи истории. URL: http://www.vob.ru/eparchia/history/iegarhija/05_lev/lev.htm

Луганин 1884 — *Луганин А.* Опыт истории лейб-гвардии Волынского полка. Ч. 1. 1817—1849. Составил того же полка штабс-капитан А. Луганин. Варшава, 1884.

Майков 1869 — *Майков Л. Н.* Великорусские заклинания. СПб., 1869.

Мильштейн — *Мильштейн Я. И.* Гензельт А. Л. URL: http://enc-dic.com/enc_music/Genzelt-A-L-1795.html

Назарова — *Назарова Л. Н.* Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров // Лермонтовская энциклопедия. URL: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/Lre-abc/Lre/lre-6262.htm>

Отчет 1903 — Отчет о деятельности состоящей под августейшим покровительством Его имп. высочества Великого кн. Сергея Александровича Симбирской губернской ученой архивной комиссии за 1903 год. Симбирск, 1904.

Панаев 1988 — *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. М., 1988. С. 134—135.

Песни 1988 — Песни русских поэтов: в 2-х т. Т. 1. Л., 1988.

Порохина 2007 — *Порохина Е. С.* Страницы истории фортепианного отдела Санкт-петербургской консерватории. Антон Августович Герке // Вестник молодых ученых. Серия «Исторические науки». СПб., 2007. № 3. С. 91—95.

Обзор 1894 — Обзор деятельности Общества естествоиспытателей при Имп. Казанском университете за первое 25-летие его существования, 1869—1894. Казань, 1894.

Отчет 1896 — Отчет о деятельности Симбирской ученой архивной комиссии за 1895 год; [Список действительных членов Симбирской ученой архивной комиссии на 1895 год]. Симбирск, 1896. С. 1—11.

Топорков 2010 — *Топорков А. Л.* Проект издания «Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь» // Русский фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / отв. ред. Т. Г. Иванова и А. Л. Топорков. М., 2010. С. 8—19.

Трофимов 2001 — *Трофимов Ж.* «Воспой все редкости Юрлова» // Ульяновская правда. 2001. 26 сентября. С. 3.

Юрлов 1866 — *Юрлов В. П.* Городские нищие // Сын Отечества. 1866. № 32.

Юрлов 1867 — *Юрлов В. П.* Народная песня, записанная в деревне Поливне Симбирского уезда. Сообщена В. П. Юрловым // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. 4. Симбирск, 1867. С. 102.

Юрлов 1867а — *Юрлов В. П.* Заметка о свадебных обрядах в Симбирской губернии: Записано в селениях Сенгилеевского уезда: Суровке, Чертановке, Хвостихе, Порецком, Воецком и Собакине // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. 4. Симбирск, 1867. С. 68—74.

Юрлов 1867б — *Юрлов В. П.* Этнографические материалы: Заученный разговор крестьянских балагуров на свадьбе и рацея дружки // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. 4. Симбирск, 1867. С. 98—101.

Юрлов 1867в — *Юрлов В.* Симбирская запись о кладах // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Вып. 4. Симбирск, 1867. С. 57—62.

Юрлов 1884 — *Юрлов В. П.* Несколько слов о случаях проявления медиумических способностей среди простого народа // Ребус. 1884. № 18. С. 174—175.

Юрлов 1909 — *Юрлов В. П.* Воспоминания старинного офицера лейб-гвардии Волынского полка // Русский архив. 1909. Кн. 2. № 5. С. 5—18.

Сокращения

РО ИРЛИ — Рукописный отдел ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург.

ГАУО — Государственный архив Ульяновской области, г. Ульяновск.

Summary. The article tells about the local Simbirsk history enthusiast V. Yurlov. His biography is compiled on the basis of archival documents and memoirs. We analyze Yurlov's collecting activities, describe his published works and materials remaining in manuscripts stored in local and central archives, show the generality of Yurlov and other amateur ethnographers of Simbirsk in the second half of the 19th century.

Key words: folklore, collector, V. Yurlov.